

„Доклад Свифтсона“¹⁾

1) «Мы должны быть святы, — так начал Свифтсон. — Для того, чтобы влиять на других, по моему последнему, внутреннему убеждению, остался еще только один аргумент: личная жизнь. Все остальное пошло прахом. Мы должны быть святы. Не потому, если угодно, что мы естественно тяготеем к ней, что о ней свидетельствует наш духовный опыт, или что она предписана свыше, — все спорно. Бесспорно следующее: только святость может еще оказать стойкое влияние на человека, очистить воздух, которым он дышит.

2) Мы соберемся в Новый Монастырь. Этот монастырь я мыслю посреди площади. Между улицей и нами нет ограды, нет дверей. Конвульсия города, клочкотание крови, испарения страстей пронизывают нас непрестанно. Мы должны поглощать эти ядовитые газы, как некий универсальный, химический раствор, нейтрализовать и упорно посылать в обратном направлении уже другие сигналы и лучи на пол световой волны позже, — интерференция. Парами, с утра до рассвета, издалека узнаваемые, идем по улицам и бульварам, по площадям и рынкам, спускаясь в подземелья, поднимаясь на восьмые этажи, неустанно вплетаясь в косную материю жизни, переходя от дела к делу. Мы молчаливики. Наша проповедь, — милосердие: немедленное, бесплановое, насущное, мудрое вмешательство.

3) Мы оказываем помощь встречным не потому, что считаем страдания бессмысленными и, разумеется, мы их всех (последствия) не сможем устранить. Мы становимся рядом со страдающим, протягиваем ему наше сердце, дабы он не чувствовал себя больше сиротою (*de profundis cla-*

¹⁾ Отрывок из романа «Портативное Бессмертие».

mavi) : тогда его душа благостно согревается, а вместе с этим меняется структура всего мира. Давая нищему медяк, все знают: явная помощь равна грошу. Но те, что видят: вот вы неожиданно стали среди общего, озабоченного бега, порылись в кошельке, вернулись вспять на несколько шагов и, стесняясь замишки, внимания, вручили... те вдруг слышат тихий благовест; они обоняют запах возможного эдема, умиленные, что-то в них расцветает: «Нет, — прорывается, — не одинок человек в этом мире, пусть мерзость, жадность, преступления, сладострастие, поножевщина, пусть, пусть все, но тем чудеснее эта распутившаяся на асфальте роза милосердия, что-то есть еще, еще есть неописанное под этим небом, за нашим окном, тыном, порогом, благословен Бог и помнящие родство». Вот что произошло во вселенной после грошика, и хотя все тотчас же разбежались, через минуту море сомкнулось, но разные нити уже переплелись, связались, и многие круги пошли во всех стороны, значение которых для нас — безусловно. Мы творим конкретное, чтобы — рикошетом — показать на мгновение третьим, свидетелям, контуры скрытого неба; донести к ним голоса. И они благословят бытие, умилятся помнящим единство, почувствуют освежающий запах добра, вкус любви, — вовлекутся, наконец, сами. Таким образом наша задача не исчерпывается простым оказанием помощи: мы должны стараться создавать такие положения, где бы один встречный мог радостно услужить другому, — приобщиться. Бесперывным потоком заботливости, дождем нежности мы станем поливать площади и рынки, улицы и скверы, купая, согревая замерзшие сердца. О, они только и мечтают, они жаждают оттаять: страшно, скучно, убийственно жить без этого счастья, — вы знаете по себе. Бессознательно, все только ждут попутного ветра, точки приложения, места за рычагом. Создавайте этот ветер.

4) Мы кочуем из квартала в квартал, постепенно в каждом участке образуя что-то в роде центра, штаба, с растворенными настежь окнами и дверями. Избегайте рекламы, отвлеченных споров и помощи через третьи руки:

только видевшие вас непосредственно на работе, видели, узнали вас, — и запомнят. Поэтому: мы все умеем делать. XX век еще не знал такого скопления разносторонних специальностей под одною кровлей. Непрестанно трудясь, мы можем овладеть всей современной культурой и техникой. Исправить заглохший мотор, погрузить тяжесть, принять ребенка у внезапно рожаящей, крестить умирающего младенца, проплыть 1.000 метров на спине, защитить подседимого, пропеть арию из Фауста на перекрестке, сыграть Реквием в публичном доме, — вот гамма.

5) Великое зло — от денег. В этом — мы францисканцы. У нас не будет денег. Попавшие в руки утром суммы следуем израсходовать до вечерней звезды. На этот счет не должно оставаться никаких сомнений: ни денег, ни имущества, ни имени (в тех случаях, когда пришлось бы выступить на собрании или в печати).

6) Мы носим одежду, которая издали бросается в глаза каждому. Я полагаю: наши лица должны быть закрыты, что облегчит, на первых порах, работу среди незнакомой, может, враждебной толпы. Я пришел к убеждению, что главная причина грубости людей таится в страхе показаться смешным. Условному эстетизму или самолюбию приносится в жертву все остальное. Человек предпочитает поступить жестоко, но только не выглядеть глупо. От воображаемой комичности спасаются резкостью. Вот почему я хочу закрыть наши лица — светлой тканью или газом. Кто сочтет себя уже вне этой опасности, — снимет забрало (для каждого этапа свои наставления).

7) Люди больше всего страдают душевно от измены, кровоточат, леденеют от предательства, с детских лет ищут, жаждут верности в отношениях. Вот почему мы должны быть: верными. Всегда, каждому, на любом месте: долгу, правде, себе, законам, Господу, прохожему, — постоянно. Верность первая наша черта. Вот почему я предлагаю звать нас: Верными.

8) Я сказал уже: мы молчаливники. Проповедь — наша личная жизнь и плоды. Но есть люди, чья радость в слове. Им надо позволить умеренно говорить. У нас бу-

дут разные группы или Круги с преобладанием тех или иных особенностей; они функционируют как один организм; в каждом от 8 до 12 человек (так что два Круга по 12, выделяя каждый четверых, дают начало — новому, третьему). Круги эти проходят под различными знаками («специальности»): есть говоруны, молчальники, социального опыта, религиозного. То же насчет целомудрия: я, как и многие, не вижу иного пути. Но всякий человек имеет свою биографию, свою судьбу, а мы создаем братство личностей, чей духовный опыт находится в разных фазах, — они могут и хотят идти вместе. Итак: будут Круги и — «не вместивших до конца». Но как в Круге имеется инженер, врач, артист, атлет, так же обязательны — молчальник и целомудренник (хотя бы по тяготению). Молчальнику трудно пребывать рядом с пропагандистами (и наоборот). Их отряжают только на время в Круги с чуждыми преобладаниями, чтобы незаметно влиять друг на друга, срастаться.

9) Вновь поступившие и старые братья пользуются теми же правами. Вопрос о иерархии ставится так: чем меньше у Верного опыт, тем большими привилегиями он может пользоваться. Старшиною Круга избирается худший из членов его. Чтобы править, надо обладать некоторыми дурными чертами: быть суровым, порою распоряжаться людьми, как предметами. Старшину так и зовут: Худший. Можно себе представить следующее положение: избираемый в продолжение ряда лет, Худший, наконец, забаллотирован; — обливаясь радостными слезами, он кланяется братьям, молит вновь избранного простить его, и все возносят хвалу Господу.

10) Я сказал «хвалу Творцу», потому что не мыслю нас безбожниками. Но мы должны строить так, что, когда придет человек и заявит: я не верю в Бога, но ваше дело мне нравится, с моего сердца сползают ледники, вот я перед вами и желаю — как вы... то и для него (а таких много) найдется у нас место, Круг. К этим мы будем относиться с двойною нежностью и благоговением. Мы, знающие Христа, пришли, — что же тут удивительного? Нам

трудно, а, ведь, помощь есть! Но им то какво: словно грузчики, взвалившие непомерную ношу. В нашей иерархии таким, по праву, принадлежит высшее место.

11) Придет некто и скажет: «Я тянусь к вам давно, сердце мне говорит, — ваш; но еще не совсем, не решился, занят работою, личной жизнью, не могу еще пока целиком; дайте мне возможность в этом положении что-нибудь делать». Для них нужно приготовить место у рычага. С радостью и полною ответственностью, ибо влияние этих идущих навстречу огромно: не порывая с бытом, с инерцией жизни, с ее аппаратурою, вращая в нее, — в канцелярии, в лавке, на заводе, у станка, — плотно прилегая ко всем частям общества, они будут постоянно разносить, давать, бросать наши бесконечно малые — витамины — в самые недосыгаемые подполья. Их не надо снимать с мест. Наоборот, должно занимать освободившиеся гнезда, постепенно разливаясь, вытесняя «мертвых», захватывая мелкие, унтер-офицерские посты (министры и генералы в меньшей степени держат в плену всю жизнь). Есть особые, «горестные» места, где человек чувствует свое сугубое одиночество: в канцеляриях, в больницах, на кладбище. Представьте себе: полицейский участок, где вас вдруг встречают как старшего брата, верят на слово, — в пять минут уладили дело, — разве не близко уже Царство Божие? Или вот, консьержка: улыбнулась бескорыстно, поклонилась, об'яснила, сама показала, — страшный суд уже за плечами! А в больнице или в бюро похоронных процессий: утешили, пропустили не в урочный час, пожали руку, отказались от вознаграждения, — воскресение из мертвых не за горами. Консьержки, могильщики, санитары, это все орудия с огромным радиусом действия. Вот почему мы с предельною серьезностью должны подойти к этому вопросу, помогая каждому из вышеупомянутых выполнить свое исключительную миссию. У нас будут Круги — летучие, текучие: действующие только в определенные часы, после работы, во время week-end'ов, по праздничным дням... В каникулярные месяцы наши двойки: медик и техник (артист и спортсмен)... на велосипедах бу-

дут колесить по большим и малым дорогам, творя милосердие, рождая всюду нежность и преображающее мир угасающее чувство благодарности.

1) Новые Верные принимаются легко, без каких бы то ни было испытаний: они включаются в Круг, где преобладают старые братья, — их выделение в самостоятельный Круг происходит не сразу. Вопрос о сестрах ставится так: есть Круг братьев, и сестер. Те же, что чувствуют себя в силах, идут в смешанные Круги. Последние могут проявить особую, неожиданную, героическую деятельность. Не совсем кстати, я здесь скажу о проститутках. Великая радость для Верных иметь среди своих — вышедшую отсюда. У нас будут Круги, действующие преимущественно в этом направлении: не социально, не организованно, а живым духом и общением. Вы слышали о Виталии-монахе? Он поселился стариком в Александрии; днем работал в порту, а ночи проводил в домах терпимости. Даже портовые грузчики, что прославились своим похабством, жаловались на этого старца, находя его поведение предосудительным. И только, когда Виталий-монарх умер, и несчастные, больше не связанные словом, открыто пошли за его гробом, плача и распевая гимны, вся правда предстала Александрии. Мы будем чтить Виталия-монаха, равно как и Франциска Ассизского.

13) Как разные клетки и органы тела регулируются одной жидкостью, их питающей (кровью, секрецией), так все отдельные Круги управляются единым духом, их омывающим. И только. Для обсуждения частного вопроса иногда созывается собор Худших. Если должно кончиться голосованием, то принимается мнение оставшихся в меньшинстве: «именно потому, что вы не правы, что вы в одиночестве и слабости, мы с легким сердцем отрекаемся от нашего множества и силы и в утешение вам, претерпевшим уже одно поражение, братски подчинимся вашей воле, дабы вы не возроптали и не ожесточились, а наоборот, видя смирение наше и радость жертвы, раскаялись бы и вернулись к целому». Это не будет иметь губительных последствий, хотя бы потому, что у нас нет — принципиаль-

ных вопросов. Это не может тормазить нашего движения вперед потому, что у нас нет — конечной цели.

14) Мы не ставим себе определенной цели во вне. Цель заставляет жертвовать путем: превращая его в пытку. Чем бесспорнее цель, тем все к более энергичным средствам можно прибегать, чтобы ее скорее достигнуть. Только во имя возвышенной цели можно обоснованно пользоваться дурными средствами; а поскольку идеал недосыгаем, остаются только, реально действующие, эти средства. Вот почему мы не имеем конечной цели. Позволительно сказать: наша цель — в средствах; или: наши средства оправдывают любую цель... но это похоже на игру слов. Все наши средства сами по себе могли бы являться целью (независимо оттого, следует ли за ними еще что-то или нет). О каждом нашем действии должно сказать: вот это и есть цель. Таким образом, всякий шаг Верного есть шаг у цели, — целью. Нет больше потерянного времени, минут, которые возместятся только, быть может, в реализованном раю. Всякий миг для нас так насыщен содержанием, дает столько радости, что уже не нуждается в продолжении. Мы можем сказать, что живем только настоящим, из каждого часа выжимаем все, так что приди за ним: сразу тьма, — и то нестрашно. Некий гурман (вы его знаете), когда его хватил первый паралич, сообщил друзьям: «но зато все, что могло быть поедено, — было в свое время поедено; попито, — было попито; погулено, — было погулено!». Так и мы в своем роде должны суметь сказать.

15) Каждый из нас иногда думает: «этот почти свой», или: «вон тот будет нашим, — завтра, через год». А сколько мы пропускали, не замечали, — тут же, рядом, — не догадываясь друг о друге. Как дадут о себе знать? Разве одиночка может самостоятельно открыть кампанию против целой системы? Они вянут и пропадают (кто возместит миру эти потери?). Даже если они еще не совсем дошли — укажите им бесспорное дело, и они на нем окрепнут, созреют: вольются. Ищите Верных повсюду: не взирая на место, возраст или положение. Юноша ищет под-

вига, заслуженной, вечной любви: он наш. Посмотрите, советские летчики составили правила: 1) человек удовлетворенный собою — погибший, 2) надо совершенствоваться всю жизнь... узнаете своих? Американский «король» повторяет: лучше опять стремиться вперед, чем успокоиться на достигнутом... он наш. В зрелом возрасте каждый вдруг начинает слышать идущие ему навстречу голоса; он просыпается ночью в гостинице и видит ужас: «красный, черный, квадратный». Узнаете? Воспитав, взрастив детей, человек вдруг остается снова один: ваш. Не отгоняйте врагов, не приклеивайте ярлыки, не приковывайте никого к прошлому, не предопределяйте его будущего. Язычник и христианин, иезуит и масон, марксист и романтик могут быть Верными в Круге.

16) Пролетариат борется за 8-часовой день, за 5-дневную неделю. Нужно ли еще повторять: какое это благо! Множить отвратительные, бесполезные или вредные (лишь бы рентабельные) предметы — 1,5, наконец, 10 часами меньше. Мы сочувствуем этой борьбе. Но мы хотели бы еще каждому доставить радость участия в иной, творческой работе, наполнить смыслом его досуг. Один из здесь присутствующих когда-то мыл окна витрин на больших бульварах. Высоко на узенькой лестнице, задрав голову и руки, мылить стекло, — а за ним: прозрачные чулки, манекены, галстуки, парики. Если можно на час в день меньше этим заниматься, — благо. Но представьте себе: нас позвали вымыть окна у заключенных (в тюрьмах, в камерах). С какою любовью и тщательностью мы бы протирали, очищали сантиметр за сантиметром доступного им неба. И кто бы тогда подумал о 8-часовом и прочее дне?

17) В отношении социальном мы за полное снабжение нуждающихся всем необходимым (и даже предметами роскоши, — пока ими пользуются другие). Мы только не занимаемся планированием, не вытраиваем организованно, последовательно все беды, хотя бы потому, что и без нас многие этим занимаются. Искоренение горя вообще есть уже такая цель, ради которой можно рискнуть

средствами. Наш путь иной. Каждого встречного голодного вы не оставите, пока не накормите, напоите, утешите. Может, у вас нету денег (о счастье!), тогда пойдите к торгующему и, если надо, продавшись в рабство, получите хлеб для голодного. Благо вам. Потому что для изменения структуры души и мира важно не только накормить, — но как вы это сделали. Так что акт подачи хлеба может вырасти чудесно в мистерию. Многие из нас, братья, имея 10 франков, подавали 2, 3 и 5; но кто, имея 10, отдавал 11? Я вам говорю: только вручая 11 при десяти, вы что-то дали и радость будет вам. Нет дела без жертвы, а то, что: «по мере средств», «посильно», — грех, ханжество и печаль. Наше же служение лишь тогда начинается, когда силы, казалось, кончились (так рекордсмен побеждает только на крайних сантиметрах-секундах). Только за этой чертой начинается чудо, тайна, Троица. (Я. Ты. Третий). Нынче все ратуют за хлеб для голодного, мы же раздаем страдающим — сердце.

18) Не разрушайте больше ничего. Даже тюрем. Всегда найдутся тяготящиеся к этой форме героизма. На вашу долю выпало счастье войти в мир после цикла разрушения и ломки. Подумайте, вам больше нечего взрывать. Все поколеблено: государство, общество, религия. Из трех исторических церквей две разбиты; и если вы недовольны уцелевшей (католическою), — не беспокойтесь, разрушителей много. Все пожирают друг друга, даже самые понятия (тезисы, антитезисы) грызутся между собою. Науки, гипотезы, физика, экономика, — в прахе. Чего вы ждете еще? Стройте. Стройте рьяно и истово, чтобы спасти души тех, кто сжигал, чьим двусмысленным опытом вы богаты, — их гробнем вы взнесены, сквозным ветром повиты. Если вам кажется: вот это еще нужно убрать... не заботьтесь, — всегда найдутся охотники топтать и корчевать. Эта форма героизма примитивна (архаична), юношам присуще тяготение к средствам, дающим немедленный результат. Желających создать меньше. Последнее сердце, сложнее, неблагодарнее. Верные пусть строят: занимайте неэффетные, трудные места плотников. Не ищите

очевидных результатов и паче всего бойтесь немедленной справедливости (знаете ли вы что-нибудь несправедливее исторической справедливости?). Мы устанавливаем пока только несколько основных положений. Ничего мертвого, незыблемого, маниакального. Что дальше, — увидим. Новый опыт выдвинет новые требования. Основую являются: 1) верность, 2) самоограничение, 3) умеренность и 4) терпимость.

19) Нас питает мысль о Единой церкви. Верные — ведь, вы Церковь. Придя из разных культов и юрисдикций, мы фактически, на деле, соединим, переплетем их, скрепим цементом наших тел. Созидайте Церковь (не новую и не старую, а Единую), больше уже ничего не смая. Евреи и магометане исповедуют Отца, индусы Святого Духа, а мы Отца и Сына и Святого Духа. Неужели вы думаете, что люди расходятся из-за принципов? Идеалы всех: левых, правых, атеистов и верующих, более или менее возвышенны. Вражда римско-католической и православной церковей началась не от различия догматов, а от убийственного сходства в средствах борьбы, допущенного главами обеих сторон. Поскольку нам суждено собирать Церковь, должно заняться вопросом о таинствах и обрядах. Вы не богословы, но не смущайтесь. Вселенский бич — это профессионалы. Вспомните как с Бонапартом воевал специалист, генерал Пфуль. Такой же генерал встретил химика Пастера, переплетчика Фарадея, физика Гертца. Тупицы Пфули преобладают. Бессмысленно их устранять: среди устраняющих большинство тоже Пфули. В экономике они приводят к финансовым крахам, не в силах во время отказаться от условностей и предрассудков. В литературе они имеют свою теорию романа и эту мерку упорно (потому что, если-б они не были упрямы, они бы не существовали совсем; Пфули придумали, что гений этот упрямоство, и возликовали) прикладывают до чьей-нибудь окончательной победы. Тогда последующие Пфули перекидываются на сторону победителя, отливают новый эталон и возродившись продолжают свое исконное занятие. Но еще ужаснее Пфули в религии. Поэтому радуй-

тес, что вы не специалисты-теологи. Верующие, чувствуют свое право заняться делом их жизни и смерти.

20) Мы будем иметь общие таинства. В обрядах, вероятно, первые годы должны одновременно принимать участие священники разных толков. Наши службы, гимны и молитвы могут быть совокупностью служб, гимнов и молитв всех церквей в сослужении их пастырей. И медитация индуса должна найти свое место. Если мы захотим избрать один язык для общей молитвы, или гимн, или обряд, то это будет не язык славного народа и не обрядность великой церкви, а, наоборот, — скромного племени и малой церкви. Потому что сильные, будучи сильными, могут легко уступать первое место слабым, и не будет соблазна, а радость.

21) Мы услышим обычное: наивно, легкомысленная утопия, вы ничего не достигнете. Можно взоразить: вы то большего достигли? а там, где достигли, быть может, и мы (или нам подобные) сыграли какую-то роль! Спорить бесполезно. Мы не стремимся к конечной цели, и радуемся только каждой минуте, проведенной в милосердии и любви. Я ограничусь этим. Если в моих словах вы подчас узнавали свои мысли, то и другие — на улице — услышат в нашем голосе: себя. Удел многих колебаться и ждать случайного, попутного ветра; на нас же падает тяжесть, — создавать этот ветер.»

В. С. Яновский.

Апология пессимизма

Auf verstorbene Wege von Byzanz...

George.

Намечая данную тему, буду исходить — из Ницше и К. Леонтьева, а также Шпенглера.

Философско-исторические вопросы не были в центре внимания Ницше. Но у него можно найти схему или да-